

**Гиппиус А.А. Загадки Мстиславовой грамоты // Miscellanea Slavica.
Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского / Сост Ф.Б.
Успенский. – М., 1008. С. 109 – 129.**

А. А. Гиппиус

Загадки Мстиславовой грамоты

Древнейший сохранившийся в подлиннике русский акт, жалованная грамота князей Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю, известная как «Мстиславова» или «Юрьевская» (далее — МГ), окружена вниманием специалистов на протяжении уже двух столетий, с тех пор как в 1804 или 1807 г. была найдена епископом (впоследствии митрополитом) Евгением (Болховитиновым) «в куче гнилых архивских бумаг Юрьева монастыря» [Переписка 1868: 4]¹. Выдающееся значение документа было в полной мере ясно уже его первооткрывателю и членам археографического кружка Н.П. Румянцеву, участвовавшим в прочтении текста². Предпринятое митр. Евгением в 1818 г. монографическое издание памятника, осуществленное с исключительной основательностью, положило начало развитию русской дипломатики. Основными вехами в дальнейшем изучении грамоты стали первоклассное исследование И. И. Срезневского [1860] и публикация Н. А. Маркса [1914], издавшего МГ вместе со вторым по древности русским актом, грамотой Варлаама Хутынского конца XII в., с приложением качественных фотоснимков обоих актов. Эталонная лингвистическая публикация МГ была в начале 1930-х гг. подготовлена Г. А. Ильинским, однако из-за гибели ученого, расстрелянного в 1937 г., увидела свет лишь в 2000 г. [Ильинский 2000]. За семьдесят лет, прошедших между написанием этой работы и ее изданием, МГ не переставала привлекать к себе внимание историков и лингвистов. Предметом специального анализа становились содержание документа в целом и отдельные его положения (см. из последних работ: [Носов 1990; Янин 1991: 135–136; Каштанов 1999: 135]), обстоятельства издания акта и его датировка [Рождественская 1992; Мусин 1998], формуляр грамоты [Каштанов 1996: 70–71], атрибуция ее печати [Янин 1956; 1970, 2: 16–21], чтение знаменитой приписки о «вотском вене» [Ворт 1985а]. Внимание лингвистов привлекали фонетика и орфография документа [Дурново 1969: 97; Винокур 1962; Успенский 1973 (1999): 219], перевод и значение отдельных лексем [Исаченко 1960 (о глаголе *изоостатися*)], происхождение начальной формулы *се азъ...* и распределение в тексте трех вариантных форм личного местоимения 1-го лица [Золтан 1987; Ворт 1985б]; наконец, языковой статус текста и отдельных его элементов [ср. Исаченко 1971, Успенский 2002: 108; Шевелев 1987].

Несмотря на пристальный интерес к ней медиевистов разных специальностей МГ по-прежнему заключает в себе немало загадок, к некоторым из которых мы и хотели бы

¹ Подробное изложение истории находки и публикации МГ см. [Ильинский 2000: 325–334].

² В письме к государственному канцлеру 11 марта 1813 г. Евгений сообщал, что окончательное прочтение грамоты было достигнуто «с помощью увеличительных стекл, яркого ныне солнечного света и двух истинных любителей русских древностей: гг. Ермолаева и Фролова» [Переписка I: 1–2].

вновь привлечь внимание. Начнем с вопроса, совсем недавно поставленного В. Л. Яниным, посягнувшим на то, что ранее не вызывало сомнений ни у кого из исследователей, — статус МГ как подлинника акта 1130 г. Основанием для этого стала атрибуция сохранившейся при грамоте печати, представляющей собой позолоченный аргировул с изображением Вседержителя на лицевой стороне и святого в единокровстве со змеем на обороте. Еще в 1950-е гг. В. Л. Янин показал, что печать эта не может принадлежать ни Мстиславу Великому, ни Всеволоду Мстиславичу (буллы которых хорошо известны и несут на себе совсем иные изображения), и очень аргументированно атрибутировал ее Ярославу Всеволодовичу (в крещении Феодору), сыну Всеволода Большое Гнездо, с 1215 по 1236 г. четырежды занимавшему новгородский стол [Янин 1956; Янин 1970: 16–21]. Объясняя это несоответствие, исследователь предположил, что к МГ «печать была подложена в какой-то поздний момент в силу ее импозантности (аргировул, а не свинцовая булла) взамен оригинальной утраченной, тем более что Ярослав Всеволодович носил крестильное имя Феодор, как и Мстислав Владимирович (святой Феодор изображен на аргировуле)» [Янин 1956: 56]. Однако в новейшей работе В. Л. Янин пересмотрел это объяснение. Анализируя другие случаи несоответствия между печатью акта и его содержанием, он трактует оформленные таким образом документы как архивные копии, выданные владельцам взамен утраченных оригиналов. Опираясь на эти примеры, исследователь находит весьма вероятным, что и МГ представляет собой не оригинал, а копию, изготовленную в княжение Ярослава Всеволодовича. Не настаивая, впрочем, на такой трактовке, В. Л. Янин предлагает палеографам и лингвистам заново рассмотреть вопрос датировки МГ, замечая, что «условием такого исследования должно быть отрешение от восприятия грамоты Мстислава как эталонного памятника 1130 г.» [Янин 2000; 2004: 204].

Соглашаясь в принципе с такой постановкой вопроса, обратим сначала внимание на две особенности МГ, которые могли бы свидетельствовать в пользу предположения о ее копийном характере. Это, во-первых, единственная допущенная писцом и им же исправленная описка. При переходе с 15-й строки на 16-ю писец пропустил слово *дати* и сначала написал *Всеволодъ | ксмы*, но затем, спохватившись, вставил пропущенный глагол, сделав это следующим образом: слог *да* он приписал справа к слову *Всеволодъ*, которым заканчивалась 15-я строка, а *ль* — слева к слову *ксмы*, которым начиналась 16-я. Пропуск в жалованной грамоте глагола, обозначающего сам акт пожалования, маловероятен под пером писца, записывающего текст впервые, в момент его порождения. Такого рода описки, между тем, обычны в процессе копирования, возникая из-за несоответствия строк оригинала и списка: вместо того, чтобы начать новую строку там, где закончилась предыдущая, писец машинально начинает списывать очередную строку своего оригинала.

Второе обстоятельство касается диакритики МГ и ее интерпункции. Система используемых в документе надстрочных знаков включает апостроф (иногда малоотличимый от точки), ставящийся над неперекрытыми (находящимися в начале слова или слога, то есть не после согласного) гласными, и двойной знак над буквой *ѿ*. Один раз апостроф употреблен в значении паерка, замещающий второй редуцированный в сочетании с плавным: *дѣльжъни* = *дѣльжъни*. Двойной знак над *ѿ* имеется во всех девяти случаях употребления графемы *ѿ*, по-видимому, воспринимался писцом как ее принадлежность. Надстрочные знаки не ставятся над *ѣ* (*братѣ* 9, *моѣ* 10) и *оу* (*оу сѣго геѡргѣ* 6, *оу него* 8), что, очевидно, не случайно и объясняется спецификой этих графем: наличием «мачты» у *ѣ* и

восприятием первого элемента диграфа *ou* как своего рода «прикрытия» основного элемента графемы.

Для остальных неперкрытых гласных соотношение написаний с надстрочным знаком и без него отражено в таблице (по строкам):

Стр.	+	–	Стр.	+	–
1	0	1	12	2	0
2	0	3	13	8	0
3	0	2	14	3	0
4	1	1	15	3	0
5	0	2	16	1	0
6	2	0	17	2	0
7	5	1	18	2	0
8	3	0	19	2	0
9	4	0	20	1	0
10	2	0	21	4	0
11	1	0			

Как видим, в первых трех строках диакритика отсутствует вообще, в строках с четвертой по 7-ю употребляется непоследовательно, а с 8-й строки до конца текста надстрочные знаки стоят над всеми неперкрытыми гласными (кроме уже оговоренных *ѣ* и *ou*)³. Аналогичную динамику демонстрирует и интерпункция документа: разделительные точки отсутствуют в первых шести строках, а начиная с седьмой встречаются регулярно (всего 14 раз).

Такой переход от неупотребления разделительных и надстрочных знаков к их сначала спорадическому, а затем и последовательному использованию может, вообще говоря, объясняться разными причинами. Однако в столь выдержанном и даже изысканном по языку и орфографии тексте, как МГ, его естественно — при наличии такой возможности — объяснять меняющимся поведением переписчика, постепенно приносившего к орфографии своего оригинала или же, напротив, освобождавшегося от ее влияния. В первом случае нужно предполагать, что в оригинале диакритика и интерпункция были проведены последовательно, во втором — что они в нем вообще отсутствовали; первое кажется более вероятным.

Хотя эти факты и позволяют предполагать, что писец МГ не впервые записывал текст, но копировал лежавший перед ним оригинал, видеть в дошедшем до нас пергамене список акта 1130 г., изготовленный сто лет спустя, при Ярославе Всеволодовиче, вряд ли возможно. Палеографический анализ МГ, проведенный И. А. Ильинским, обна-

³ Поясним, что эта картина основывается на изучении оригинала грамоты и ее нового качественного цифрового изображения. Ни одна из существующих публикаций МГ не отражает ее диакритики полностью. Ближе всего к оригиналу передача текста у Г. А. Ильинского, от которой наша транскрипция отличается лишь наличием знаков над *и* и *ѣ* в *ѣгоумень* 18, *ѣ се блюдо* 19; оба сильно затерты и опознаются по слабо видимым следам.

ружил все характерные признаки русского уставного письма XII в. при отсутствии инноваций, свойственных следующему столетию. То же относится и к хорошо известным языковым характеристикам МГ: последовательное сохранение в тексте слабых редуцированных (за исключением ограниченного набора корневых морфем, в которых их пропуск, как орфографическая условность, встречается уже в древнейших памятниках), а также обозначение палатальности *l'* и *n'* (*осеньнѣе 9, донелѣ 13, въ нѣ 9*)⁴ не позволяют выводить документ за рамки XII в. Теоретически, конечно, можно было бы допустить, что мы имеем дело с работой копииста, в точности воспроизводившего не только орфографию оригинала, но и особенности буквенных начертаний. Это допущение, однако, было бы необходимо, если бы предположение о копийном характере МГ являлось единственно возможным объяснением несоответствия печати документа его содержанию. Между тем, для него существует альтернатива, не требующая пересмотра традиционной датировки.

Мы имеем в виду уже упоминавшуюся приписку, добавляющую к пожалованию монастырю волости Буйцы с данью, вирами и продажами загадочное «вено вотское» (или «волочкое»). К вопросу о конкретном содержании этого дополнительного пожалования и обстоятельствах, в которых оно было сделано, мы вернемся ниже, сейчас же для нас важно, что данная приписка представляет собой, бесспорно, позднейшее добавление к тексту грамоты. Об этом свидетельствуют: а) использование других чернил (зеленоватых в отличие от красновато-коричневых в основном тексте), б) иной почерк приписки, отличающийся от почерка основного текста более удлиненными пропорциями букв, в) орфографические различия: замена этимологического *ѣ* на *е* в *вено* и необозначение йотации в *-кое*, при последовательном употреблении *ѣ* и *ѣ* в основном тексте. Особый интерес представляет тот факт, что приписка была сделана с использованием золота, однако не твореного, каким, по заключению И. И. Срезневского, написан основной текст МГ, а листового сусального. Это позволяет видеть в приписке о «вене» не просто позднейшую помету, но официальное добавление к акту, сделанное спустя какое-то время после его издания. Скрепление МГ золоченой (!) печатью Ярослава Всеволодовича естественно, на наш взгляд, связывать с этим этапом в жизни документа.

Что же касается признаков, позволивших нам выше согласиться с тем, что писец МГ не сам составлял текст документа, но имел перед собой оригинал, то и они допускают альтернативное объяснение. Во-первых, официальный документ мог составляться в двух экземплярах, при этом второй, естественно, списывался с первого. Дошедший до нас экземпляр МГ вполне мог возникнуть таким образом. С другой стороны, оригиналу акта мог предшествовать черновой проект, по отношению к которому он, полностью или частично, также являлся «списком». Процесс копирования готового текста в обоих случаях выступает как часть процедуры составления акта. Потенциальную сложность этой процедуры будем иметь в виду, обращаясь к вопросам, возникающим в связи с интерпретацией основного текста МГ.

⁴ Примечательно, что единственный случай необозначения палатальности (*оу него то 9*) предшествует этим трем примерам, в чем можно усмотреть проявление той же постепенной адаптации писца к орфографии оригинала, которая обнаруживает себя в употреблении надстрочных и разделительных знаков.

Старейшая из жалованных грамот Древней Руси, МГ представляет собой текст весьма своеобразной композиции, не имеющей прямых аналогов в более поздних актах этого типа. Грамота составлена от лица двух князей и содержит две интитуляции: Мстислава («Се азъ Мъстиславъ Володимиръ сынъ, держа Роусьскоу землю в свое княжение...») и Всеволода («А се ѿ Всеволодъ...»), распадаясь таким образом на две части: первая оформляет пожалование монастырю волости Буйцы вместе с данью, вирами и продажами, а также осеннего полюдья в размере двадцати пяти гривен, вторая — пожалование серебряного блюда стоимостью в тридцать гривен серебра. Исходя из такой композиции документа, комментаторы грамоты едины в понимании того, что «пожалование земли и пошлин шло от имени Мстислава, князя киевского, а пожалование блюда — от имени его сына Всеволода, князя новгородского» [Каштанов 1996: 70]. При его внешней очевидности такое понимание дела оставляет, однако, необъясненную структуру санкционирующей части грамоты. Санкций в МГ две, что, на первый взгляд, отвечает наличию в ней двух интитуляций. Однако, вопреки ожидаемому, вторая санкция распространяется не только на жалуемое монастырю Всеволодом блюдо, но и на «ту дань». С. М. Каштанов считает поэтому первую санкцию сформулированной от лица Мстислава, вторую — от объединенного лица Мстислава и Всеволода. В чем смысл такого построения текста, остается, однако, неясным.

Что следует понимать под «той данью», упоминаемой во второй санкции? Допустив, что это обозначение относится ко всем податям, жалуемым монастырю Мстиславом вместе с передаваемой ему волостью, нельзя не признать странным, во-первых, того, что вторая санкция частично дублирует первую, и, во-вторых — что эта дублировка распространяется только на доходы с волости, не затрагивая пожалования земли. Это заставляет видеть в «той дани» второй санкции «осеннее полюдье даровное» в 25 гривен, которое, согласно традиционной трактовке, Мстислав передает монастырю в дополнение к основному пожалованию. Но тогда возникает другой вопрос: зачем вообще понадобилось разбивать на две части перечисление жалуемых монастырю доходов и, отрывая осеннее полюдье от дани, вир и продаж, помещать его после санкции и обращения к братии?

Можно было бы предположить, что в отличие от дани, вир и продаж, право на которые монастырь навеки получает вместе с землей, 25 гривен из осеннего полюдья составляют разовое пожалование, что и позволило составителю акта объединить их под одной санкцией с серебряным блюдом. Такое предположение, однако, не выдерживает критики. Если бы речь действительно шла о разовом пожаловании монастырю указанной суммы, происхождение этой суммы (осеннее полюдье) не заслуживало бы упоминания; с другой стороны, однократное денежное пожалование в принципе не нуждается в ограждении его *sanctio spiritualis*. О том, что осеннее полюдье представляет собой ежегодный доход, передаваемый монастырю вместе с другими упомянутыми выплатами, свидетельствует сопоставление с практически современной МГ уставной грамотой Ростислава Мстиславича смоленской епископии, где князь передает епископу «десатинѹ ѿ всѣхъ даней смоленскихъ, что са в них сходитъ истыхъ куѹ кромѣ продажи, и кромѣ виры и кромѣ полюдья» [ДКУ: 141]. В обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же перечнем четырех форм дохода, включающим: 1) собственно дань («истые куны»), 2) виры, 3) продажи, 4) полюдье.

Разница в том, каким образом членится этот комплекс: в смоленской грамоте «истые куны», как основной доход, отделены от вир, продаж и полюдья, тогда как в МГ дань, то есть те же «истые куны», объединена с вирами и продажами, а полюдье названо отдельно. В чем смысл такого противопоставления?

Согласно С. М. Каштанову [1999: 23–25], он заключается в следующем: в отличие от дани, вир и продаж, которые монастырь получает с жалусомого ему села (а не волости!) Буйцы, «полюдье» представляет собой передаваемое монастырю право (в западноевропейской практике обозначаемое термином *ban*) сбора дани с окрестной территории. В подтверждение того, что Буйцы в МГ — не волость (что предполагают авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» [АИСЗР: 68], В. Л. Янин [1991: 135], Е. Н. Носов [1994]), а село, С. М. Каштанов ссылается на статью 1234 г. Новгородской первой летописи (Н1Л), в которой этот топоним выступает как название «села святого Георгия». Следует, однако, обратить внимание на следующую деталь: в то время как в МГ представлена форма вин. мн. *Буйицѣ*, (предполагающая номинатив *Буйицѣ* или *Буйици*, в зависимости от оформления названия по женскому или мужскому морфологическому роду), название села в Н1Л восстанавливается (по форме мест. ед. *въ Буйици*) как *Буйицѣ*, *Буйице* или *Буйица*. Ничто не мешает считать, что уже в XII в. село Буюц было центром волости Буйцы. Поскольку последняя упоминается в писцовых книгах как принадлежавшая Юрьеву монастырю, есть все основания согласиться с мнением, что пожалование Мстислава заключалось в волости, а не в селе Буйцы. Предлагаемый С. М. Каштановым критерий, противопоставляющий доходы с села в виде дани, вир и продаж, полюдью, собираемому в его округе, не кажется поэтому убедительным. С другой стороны, при таком понимании дела остается без объяснения и уже упомянутый параллелизм между МГ и Смоленской уставной грамотой 1136 г., предполагающий отнесенность всех четырех поименованных форм дохода к одному географическому объекту.

Учитывая это, упоминаемое в МГ полюдье следует, на наш взгляд, в соответствии с традиционным пониманием, трактовать как доход с определенной территории, получаемый князем в виде денежного подношения («дара») в ходе личного объезда волостей, обозначаемого тем же термином. Существование практики таких княжеских объездов в XII в. свидетельствуется двумя контекстами из статьи 1190 г. Лаврентьевской летописи («тогда сущю великому князю Ростовѣ в полюдьи...; тогда сущю князю великому в Переяславли . в полюдьи» [ПСРЛ I: 408, 409]), и отрывать одно значение термина от другого нет никаких оснований. Именно участие князя в сборе полюдья и является признаком, противопоставляющим его дани, вирам и продажам.

Однако, и при таком понимании дела полюдье все равно остается намного ближе к вирам и продажам, чем к серебряному блюду, так что логика, объединяющая под одной санкцией пожалования полюдья и блюда, все равно остается неясной.

Ключ к пониманию композиции документа следует, очевидно, искать в словах «рукою своею», противопоставляющих второе пожалование первому (ср. «повелѣть ѿсь сыну своему Всеволодоу ѿдати...» и «а ѿзь далъ роукою своею...»). Данный оборот является в сущности не чем иным, как фразеологическим эквивалентом местоимения *сам* и, как и это последнее, может в зависимости от контекста принимать два значения: 1) «не прибегая к чьему-либо посредству, самостоятельно» и 2) «по своей инициативе, без чьего-либо приказа, собственной властью». Однако первое значение

сочетается с формой единственного числа только при указании на собственноручное написание текста (см., например, приписку к грамоте Варлаама Хутынского, сообщавшую, что крест на левом поле грамоты Варлаам написал «своею рукою»), в переносном же употреблении в источниках представлены только формы двойственного (позже множественного) числа (см. примеры в Сл. XI–XVII вв., статья *рука*).

Второе, фигуральное употребление, актуализирующее роль руки как символа власти, демонстрирует важный пример из Сл. XI–XVII вв. [22: 243]: «А через сю мою грамоту кто учнет ставитися по деревням в Романовъ слободкѣ, или кормъ имати *своею рукою*, или подводы, быти от мене в казни» [АСВР II, 74. 1448–1470 гг.]. «Своею рукою» означает здесь «без моего повеления, самовольно».

Какое из двух значений оборота представлено в МГ? К Мстиславу как полновластному правителю Русской земли (в широком смысле, в каком это понятие, безусловно, выступает в нашем тексте) второе значение, очевидно, неприменимо. Можно было бы предположить, что дополнительное пожалование Мстислав делает, не прибегая к посредничеству Всеволода, то есть что в данном контексте реализовано первое значение оборота. Это допущение, однако, не только наталкивается на отмеченные выше грамматические ограничения, но и предельно запутывает ситуацию. Непонятно, почему полюдь, в отличие от всех остальных пожалований, Мстислав не повелевает Всеволоду отдать монастырю, но жалует сам, в обход сына. Это тем более странно, что, как мы только что видели, именно к полюдью, собиравшемуся в ходе личного объезда волостей князем, Всеволод, как новгородский князь, должен был иметь самое прямое отношение.

Предлагаемый выход из положения заключается в решительном переосмыслении коммуникативной организации документа. Все указанные выше неясности устраняются, если допустить, что пожалование монастырю полюдь исходит уже не от Мстислава, а от Всеволода. Фраза «а азъ даю роукою своею и осененье полюдие даровною» может быть понята и, на наш взгляд, должна быть понимаема как реакция Всеволода на распоряжение Мстислава. Структура первой части МГ (без санкции и обращения к игумену и монастырской братии) предстает при таком прочтении как своего рода диалог: киевский великий князь отдает приказ правящему в Новгороде сыну, а тот откликается на него, объявляя о встречном пожаловании:

«— Я, Мстислав ... повелеваю своему сыну Всеволоду отдать Буйцы святому Георгию вместе с даянии, вирами и продажами...»

«— А я [—Всеволод] от себя (по своей инициативе) даю (добавляю к этому) еще и осеннее полюдь в 25 гривен».

Формула «своею рукою» противопоставляет собственное пожалование Всеволода тому, которое он делает, выполняя волю отца. В контексте грамоты она означает «своей властью как новгородского князя», корреспондируя таким образом с формулой «удержа Роусьскоу землю в свое княжении», характеризующей акт Мстислава; обе формулы определяют сферы полномочий издателей акта: Мстислава — верховного сюзерена Русской земли и Всеволода, управляющего от его лица Новгородом⁵.

⁵ Заметим, что семантика владения у глагола *держати*, базирующаяся на его основном лексическом значении, с обязательностью предполагает наличие держащей руки как образа и симво-

Выделенность полюдья как дани, в сборе которой новгородский князь лично принимал участие, становится при таком прочтении документа вполне понятной, как и объединение его под одной санкцией с серебряным блюдом: оба пожалования, как мы теперь понимаем, сделаны от лица Всеволода⁶.

Общая композиция МГ определяется, таким образом, двойственным членением ее текста. С точки зрения субъекта акта (S), в нем выделяются части, оформляющие пожалования Мстислава (S₁) и пожалования Всеволода (S₂); при каждой из них имеется своя санкция, а при части Мстислава — также обращение к игумену и братии монастыря, которым эта часть и заканчивается. С точки зрения предмета пожалования (O), в документе выделяется часть, посвященная Буйцам (O₁), и часть, оформляющая пожалование монастырю серебряного блюда и установление связанного с ним ритуала (O₂); обе части, выделяемые по данному признаку, имеют свою интитуляцию. Пожалование полюдья занимает в этой композиции двойное положение: относясь к Буйцам, оно принадлежит части O₁; сформулированное от лица Всеволода — относится к части S₂.

Изложенное понимание структуры МГ может показаться парадоксальным, так как вступает в противоречие с логикой построения связного текста, которой руководствуется носитель современного литературного языка. В отсутствии прямых указаний на смену субъекта речи эта логика диктует восприятие местоимения *я* во фразе «а *язь* далъ роукою своею и осененье полюдие дарованое» как имеющего тот же референт, что и предыдущее употребление первого лица («се азъ ... повелѣлъ исмь...»), то есть относящегося к Мстиславу. К предположению, что «говорящим» в этой фразе является уже Всеволод, мы пришли путем анализа общей ситуации грамоты. И хотя, как мы старались показать, предлагаемая трактовка фразы позволяет понять эту ситуацию значительно лучше, чем ее традиционное прочтение, настаивать на этой трактовке было бы невозможно, если бы она не находила поддержки в других древнерусских текстах.

Важный в этом отношении материал содержат берестяные грамоты, в которых случаи «необъявленной» смены коммуникативной перспективы встречаются и порождают трудности интерпретации, сходные с только что рассмотренными. Один из

ла власти (ср. в первую очередь державу как императорскую инсигнию). Учитывая это, можно сказать, что слова «своею рукою» не могут относиться к Мстиславу еще и потому, что его «рука» имплицитно уже присутствует в нашем документе: Мстислав «держит» ею Русскую землю.

⁶ Следует заметить, что сумма в 25 гривен является значительной и может показаться слишком большой в качестве размера полюдья с одних Буйцов. Отмечая это, Я. Н. Шапов допускает, что «князь передает монастырю все доходы от полюдья, которые он имел на определенной территории (разрядка моя. — А. Г.), ибо по Смоленской уставной грамоте полудье от Копыса с округой, т. е. тоже волости, составляло 4 гривны» [Шапов 1989: 153; со ссылкой на (ДКУ: 143)]. Если это действительно так (в чем, впрочем, нельзя быть уверенным, не зная соотношения размеров двух волостей, степени заселенности и пр.), то следует полагать, что «определенная территория» в данном случае могла включать Буйцы, распространяясь и за их пределы (как именно — не столь важно, ввиду фиксированного размера дохода). Существенно, что и в этом случае дань, виру и продажи, с одной стороны, и полудье — с другой, находятся в дополнительном распределении: пожалование Мстислава не включает полудья, находящегося в компетенции Всеволода.

наиболее ярких примеров данного явления (подробно разобранного в [Гиппиус 2004]) представляет грамота из Старой Руссы № 12 (1 пол. XII в.):

«(ѿ) Петра къ Василеви. Въданъ б коуны и гривну Вышатѣ. Али ти не дасть, пристави на нь отро(к)ъ» [ДНД: 328].

Попытки прочесть этот короткий текст как обычное письмо заводят в тупик, заставляя реконструировать чрезвычайно запутанные отношения между персонажами. Ситуация грамоты, между тем, мгновенно проясняется и предстает как заурядный конфликт, как только мы осознаем, что начиная со слов «али ти не дасть...» автор обращается уже не к Василию, а к Вышате, который только что был упомянут в 3-м лице. Таким образом, хотя титульным адресатом грамоты является Василь, ее фактическими адресатами являются Василь и Вышата. С нашей точки зрения, построенный таким образом текст, имеющий вид письма, обладал прагматикой документа и выступал как своего рода «мандат», рассчитанный на предъявление его кредитором (в данном случае Вышатоу) должнику (в данном случае Василию). Построение письменного текста здесь как бы имитирует ситуацию устного общения автора с двумя адресатами, в которой словесная маркировка смены коммуникативной перспективы (типа «*а ты, Вышата, ...») оказывается излишней: отношения между действующими лицами ясны для них самих и не нуждаются в экспликации. Неочевидность этих отношений для современного интерпретатора, для которого ситуация грамоты является объектом реконструкции, — это уже его, интерпретатора, «проблема».

Такая же «подмена» адресата, на роль которого выдвигается только что упомянутый в третьем лице персонаж, происходит и в грамоте №: 177 (2 пол. XIV в.): «Поклонѣ ѿ Маскима ко попу. Дая ключи ѿоми. А ты поши (= пошли) Григорию Шнефимова...» [ДНД: 582]. «А ты...» несомненно, относится уже не к попу, к которому обращена первая фраза, а к Фоме, которому автор предлагает послать за ключами Григория Онфимова. И в данном случае текст, оформленный как письмо, по существу представляет собой документ, призванный гарантировать осуществление определенной транзакции, безопасное для ее участников (см. [Гиппиус 2004: 196]).

Нечто похожее, можно думать, мы наблюдаем и в МГ, с той разницей, что в ней происходит «необъявленная» смена не адресата («А ты...»), а автора речи, говорящего («А язъ ...»). Хотя «титульным автором» первой части акта, посвященной Буйцам, является Мстислав, эта часть включает также слова Всеволода, коммуникативно примыкающие к распоряжению Мстислава как прямая, диалогическая реакция на него. При этом, как отмечает С.М.Каштанов [1996: 70], инскрипция документа, оформленная как распоряжение одного князя другому, обнаруживает «близость Мстиславовой грамоты к западноевропейским раннесредневековым актам, составленным в форме посланий (разрядка моя. — А. Г.) монарха местным властям». Это совмещение прагматики письма и документа, свойственное и раннесредневековой европейской документации частного характера (см. [Клэнчи 1979: 69]), сближает МГ и с только что рассмотренными берестяными текстами.

Эксплицитно не выраженной смена коммуникативной перспективы может быть и в официальных документах высокого ранга. Замечателен в этом отношении договор Руси с Византией 944 г. В отличие от актов Олега и Святослава 911 и 971 гг., за-

писанных от имени русской стороны и последовательно выдерживающих эту позицию, в договоре Игоря 944 г. часть текста составлена от лица русских, а часть — от лица греков. При этом, кому принадлежат формы первого и второго лица, явствует исключительно из содержания соответствующих статей, и далеко не всегда с полной определенностью (см. [Каштанов 1996: 12–13], где ряд статей договора охарактеризован в этом плане предположительно). Это отличает данный акт от договора 911 г., в котором референция форм первого и второго лица неоднократно специально оговаривается («да ѹмири^аса с вами, Грецькѣ; «тако^ж и вы, Грецькы, да храни^т тако^ж любовь», «спотрѣжае^тса гребцем тоа ло^аа мы, Роу^ѣ, допроводи^т с кѹплею и^а поздоровѹ» и т. д. [ПСРЛ 1: 33–36]), хотя, как уже было сказано, она остается неизменной на всем протяжении документа. Такое построение текста специально оговаривается вводящей его фразой: «Приведоша Рускии слы и вельѣша глѣти [и] псати ѡ бои хъ рѣчи на харатьѣ». То, что нарративное обрамление договоров является, скорее всего, плодом литературного творчества составителя «Повести временных лет», лишь повышает в наших глазах информативность этой ремарки, отражая восприятие подобной «диалогической» композиции актового текста книжником начала XII в.: летописец видит в ней — опираясь, очевидно, не столько на знание византийских реалий, сколько на известный ему посольский обычай Киевской Руси (см. о нем [Лихачев 1986]) — письменную фиксацию устных речей, произносившихся представителями двух сторон. Как имеющий устную основу в виде «речей» Мстислава и Всеволода должен был восприниматься и текст МГ. Преемственностью в отношении устных правовых практик объясняется, по-видимому, и сам факт использования светской документацией Киевской Руси древнерусского, а не книжного церковнославянского языка (см. об этом: [Зееманн 1983; 1984; Успенский 2002: 107–111])⁷.

Как видим, необычная коммуникативная организация МГ оказывается в контексте раннедревнерусской письменной традиции далеко не изолированным явлением.

И все же приведенные аналогии полностью не снимают впечатления парадоксальности, производимого композицией МГ. Остается непонятным, почему пожалование Мстислава и коммуникативно примыкающее к нему «встречное» пожалование Всеволода отделены в тексте одно от другого первой санкцией акта и обращением к игумену и братии. Станным кажется и то, что интитуляция Всеволода появляется лишь при формулировке второго из его пожалований, при том что оба они объединены общей санкцией. Несоответствие между структурой констатирующей части акта и структурой его санкционирующей части, таким образом, сохраняется и нуждается в объяснении.

⁷ В самой МГ, как известно, восточнославянская языковая основа выступает в непростом сочетании с церковнославянским и греческим влиянием (о чертах последнего см.: [Исаченко 1971]). Заметим, однако, что оба выявленных А. В. Исаченко лексических гречизмов МГ (ср. ... *состоитъ* и *са извоистаетъ*) приходится на обращение к игумену и братии (где находим и сугубо книжный союз *донкслѣ*), тогда как разделенные этим обращением части текста лишены подобных «изысков» и выдержаны в преимущественно восточнославянском языковом ключе (включая, что интересно, и первую санкцию с ее характерными синтаксическими русизмами: *даже, оу него то с релятивизатором то*).

Обсуждая в начале статьи предположение В. Л. Янина о копийном характере МГ, мы признали вероятным, что дошедшему до нас экземпляру акта предшествовал предварительный проект. Не могут ли «странности» композиции МГ быть следствием редактуры, которой этот проект подвергся в процессе его доработки? Следующие факты подтверждают, как кажется, это предположение.

Присмотримся ко второй санкции документа: «аже кто запыртити или тоу дань и се блюдо...». Глагол *запыртити* является гапаксом МГ. Указанное для него в СДРЯ [3: 342] значение 'испортить' подходит только к блюду, но не к дани. Предложенный В. Б. Крысько перевод 'расточить' [СДРЯ 5: 618], исходящий, очевидно, из факта наличия такого значения у глагола *истыртити*, подходит, напротив, только к дани, но не к блюду (расточить можно деньги или имущество, но не отдельную вещь); с другой стороны, сомнительна и возможность перевода глагола с приставкой *за-* глаголом с приставкой *рас-*, имеющей прямо противоположное значение. Единственное, что можно сделать и с данью, и с блюдом — это отнять их, однако предполагать такое значение у *запыртити* оснований нет. В принципе, глагол этот можно было бы, применительно к обоим объектам, трактовать как имеющий самое общее значение 'прекратить существование чего-либо, уничтожить' (ср. предлагаемый Г. А. Ильинским [2000: 355] латинский эквивалент *delere*), однако очевидно, что «уничтожение» дани и блюда суть совершенно разные действия, возможность обозначения которых одним глаголом кажется довольно проблематичной. Заметим, что в отношении блюда *запыртити* следует, как кажется, понимать именно в этом общем значении, в котором наиболее адекватным переводом для него будет 'запропасить' (в совокупности значений, которые приводит для этого глагола В. И. Даль: 'сделать никуда негодным, или затерять неизвестно куда, запрятать неизвестно куда' [Даль 1: 622]); однако к дани этот перевод явно неприложим.

Вызывает недоумение и синтаксис фразы: союз *и* в сочетании «или тоу дань и се блюдо» должен быть, по логике текста, трактован как разделительный, однако в этой функции он не засвидетельствован никакими другими древнерусскими памятниками, да и само сочетание разделительного и соединительного значений кажется даже теоретически невозможным для служебного слова. Неудивительно, что Срезневский рассматривает этот контекст как содержащий опisku, исправляя его «или тоу дань и(ли) се блюдо» [Срезневский 1: 1090]; так же трактует это место и Г. А. Ильинский [2000: 342]. Однако и в таком исправленном виде контекст остается аномальным: подобные бинарные альтернативы регулярно выражаются в древнерусской фразе при помощи одиночного *или* (ср. в Русской Правде: «аже оукрадет козу или овцу», а не «*аже оукрадет или козу или овцу»).

Двойное, семантическое и синтаксическое противоречие, которое заключает в себе вторая санкция МГ, позволяет видеть в ней результат редактуры, нарушившей структуру первоначального текста. Поскольку, как уже было сказано, глагол *запыртити* легче интерпретируется применительно к блюду, следует предположить, что слова *или тоу дань и* представляют собой вставку в исходный текст документа. Поскольку под «той данью», как мы знаем, имеется в виду осеннее полюдье, вставкой необходимо признать всю фразу, оформляющую первое пожалование Всеволода.

Это предположение находит неожиданное подтверждение в орфографии документа. В МГ последовательно проведено правило, согласно которому [о] в начале слова или после гласного обозначается буквой ѿ. На 9 случаях, отражающих действие этого правила, приходится только одно исключение: *осеннийск*. Орфографическая норма дает сбой как раз в обозначении «той дани», упоминание которой во второй санкции МГ является одновременно точкой синтаксического и смыслового напряжения. Трудно представить себе, чтобы это совпадение было случайным. В сочетании со всем сказанным выше оно позволяет предложить следующую реконструкцию истории основного текста МГ.

Первоначальный проект документа представлял собой объединение двух актов. Первым Мстислав приказывал Всеволоду передать во владение Юрьева монастыря волость Буйцы с данью, вирами и продажами. Вторым актом Всеволод жаловал монастырю серебряное блюдо и учреждал связанный с ним ритуал. Каждый из актов имел свою интитуляцию и свою санкцию. В ходе обсуждения проекта Всеволод, сочтя собственное пожалование слишком незначительным по сравнению с отцовским, добавил к последнему от своего имени еще и осеннее полюдь, принадлежавшее ему как новгородскому князю. Это дополнительное пожалование было оформлено в виде приписки, сделанной на полях или же в конце первой части проекта (если между ней и второй частью имелось пустое пространство). Поскольку дополнительное пожалование Всеволода требовало ограждения его санкцией, в соответствующем месте на полях была сделана приписка: «или тоу дань». Когда документ переписывался набело, оба дополнения влились в основной текст: первое нашло себе место после санкции Мстислава, второе было включено в санкцию Всеволода. Производя последнюю операцию, писец ошибся: вместо того, чтобы написать *«се блюдо или тоу дань», он (руководствуясь, видимо, соображением, что полюдь в тексте упоминается раньше блюда) сделал вставку перед словами *се блюдо*, замаскировав образовавшийся шов добавлением синтаксически неуместного *и*.

Реконструировав таким образом историю сложения основного текста грамоты, вернемся к ее приписке, с появлением которой, как мы предположили выше, было связано переутверждение акта печатью Ярослава Всеволодовича во второй четверти XIII в. Существуют, как известно, два основных варианта чтения этой полустертой приписки: «вено во(т)ское» и «вено во(ло)чкое» (или «во(ло)цкое»); первое чтение было предложено А. И. Ермолаевым, второе принадлежит И. И. Срезневскому. По свидетельству В. Л. Янина, «фотосъемка документа в разных режимах не дает оснований ни предпочесть одно из этих чтений, ни предложить иное чтение» [Янин 1991: 136]⁸. Поскольку другие предлагавшиеся варианты еще более неудовлетворитель-

⁸ К тому же неутешительному выводу пришел и Д. Ворт, тщательно сопоставив все существующие воспроизведения приписки [Ворт 1985]. Позицию Г. А. Ильинского, отдающего предпочтение чтению Ермолаева только на том основании, что последний изучал грамоту на полвека раньше Срезневского, когда она «еще не была так истаскана руками многочисленных любопытных исследователей и ее начертания имели, вероятно, гораздо более свежий вид» [Ильинский 2000: 352], принять невозможно: полустертой приписка была уже в момент находки грамоты.

ны, приходится выбирать между версиями Ермолаева и Срезневского, исходя из их орфографического и содержательного правдоподобия.

В первом отношении обе версии имеют свои недостатки. Чтение Срезневского делает уязвимым необходимость предполагать нестандартный вынос над строкой целого слога. Нужно, впрочем, заметить, что слог этот мог быть просто пропущен и написан сверху (ср. написание *вочкии* (вм. *волочкии* < *волочьскыи*) в новгородском по происхождению списке F Смоленской грамоты 1229 г. [СГ: 48, 95]). Предполагаемое Ермолаевым сокращение также нельзя признать стандартным: прилагательные с исходом на *-ьскыи* в позднерусскую эпоху оформляются в новгородских памятниках тремя способами: традиционным (*новгородьскыи*), с выносом *ѡ* (*новгороѡскыи*) и с отражением результатов ассимиляции согласных (*новгорочкыи* или *новгороцкыи*) — но не с выносом *т*. Таким образом, с точки зрения графики шансы обоих вариантов прочтения приписки приблизительно равны, с небольшим, пожалуй, преимуществом у чтения Срезневского.

В содержательном отношении преимущество этого чтения оказывается значительно бльшим. В то время как для упоминания в МГ води и Водской пятины не видно никакого рационального объяснения (тратовка Ильинского «откуп, платимый финским племенем водью» [Ильинский 2000: 354]⁹ абсолютно фантастична), для чтения *во(ло)чкое* таких объяснений находится даже два. Первое было высказано самим И.И.Срезневским, сопоставившим приписку МГ с фактом наличия у Юрьева монастыря в более позднее время владений на Волоке, упоминаемых в грамоте Ивана Калиты и договорной грамоте Ивана III с Новгородом 1471 г. [ГВНП, № 86, 26]¹⁰. Понимая *ѡѡ* в смысле приданого жены, Срезневский допускал, что земельное владение на Волоке «могло принадлежать как приданое второй жене князя Мстислава, дочери новгородского посадника Дмитрия Завидовича, и ею самою быть пожертвовано Юрьеву монастырю. Оно могло принадлежать и первой жене Мстислава, Христине, дочери короля Инга норвежского (ум. 1120 г.), а от матери достаться сыну Всеволоду и от него перейти в дар Юрьеву монастырю» [Срезневский 1860: 349].

Альтернативная трактовка была совсем недавно предложена Е. Н. Носовым. Развивая точку зрения, высказанную Владимирским-Будановым [1908: 112–113] и поддержанную также Г. А. Ильинским [2000: 353], он полагает, что слово *ѡѡ* выступает в МГ в широком значении платы вообще, обозначая некий доход. Прилагательное *волочьскыи* Е. Н. Носов трактует не как оттопонимическое, а как производное от *волохъ* в значении 'дорога'. Отмечая, что торговый путь, соединявший Новгород со Смоленском, проходил через Буйцы, исследователь приходит к выводу, что «„вено волочкое“, если Срезневский был прав в своем прочтении, представляло собой доход, идущий князю с пошлин и платежей, получаемых при перевозках по сухопутной дороге-волоку, в пункте на границе новгородской земли» [Носов 1990: 113].

⁹ В публикации ошибочно: *водюю*.

¹⁰ Срезневский ошибочно полагал, что эти владения были в Обонежской пятине, хотя в действительности названные грамоты имеют в виду Волок Ламский [Янин 1991: 164]. В настоящее время земельное владение Юрьева монастыря на Волоке Ламском локализовано с высокой точностью, см. [Дементьев 2000; Чернов 1998].

Несмотря на привлекательность этой трактовки, позволяющей связать приписку с содержанием основного текста МГ в части, касающейся Буйцов, принять ее не представляется возможным по семантическим соображениям. Для слова *вѣно* значение 'плата (не связанная с браком)' восстанавливается на основании единственного примера, приводимого Срезневским из Путятиной миней XI в. (*подвигодавецъ великыи тврьдаго вѣна* [Срезневский I: 487]). Обращение к новейшей публикации обнаруживает, что пример этот есть результат досадного недоразумения: в действительности в рукописи читается не Р.ед. *вѣна*, а в. ед. *воина*¹¹. В древнерусских текстах слово выступает только в значениях 'выкуп за невесту' и 'приданое', засвидетельствованных многократно; на этом фоне встретившийся один раз в грамоте XVI в. дееминутив *вѣнце* в контексте, не связанном с браком [Сл. XI–XVII вв., 2: 76], следует трактовать как отражающий вторичное значение, возникшее в эпоху, когда сама производящая лексема уже выходила из употребления (ср. глоссирование ее у Аввакума: «вѣномъ сиречь приданымъ» [Там же]).

Маловероятно и трактовка прилагательного *волоцкыи* как производного от *волокъ* в значении 'дорога'. Даже если предположить, что проходивший через Буйцы путь из Новгорода на Смоленск обозначался словом *волокъ* (что не подтверждается другими источниками и кажется не очень вероятным, учитывая актуальность данной лексики для Новгорода в ее основном значении и в роли географического названия), соответствующее относительное прилагательное должно было бы иметь вид *волоцкыи* (ср. аналогичные образования *лутыи*, *дорожскыи* при отсуствии **лутыи*, *дорожскыи*).

Наиболее вероятной, таким образом, представляется точка зрения Срезневского, видящего в приписке МГ упоминание земельного владения Юрьева монастыря на Волоке (как теперь установлено — Ламском), переданного монастырю в качестве некоего «вена», в обычном для древнерусских текстов значении этого термина. Подтвердить такую трактовку приписки можно было бы, назвав конкретные исторические обстоятельства, в которых это «вено» могло быть пожаловано монастырю, и объяснив, почему данное пожалование было оформлено в виде приписки к акту, передающему в собственность монастыря волость Буйцы.

Такая возможность имеется. Можно понять, почему она не была использована И. И. Срезневским: за объяснением происхождения «волоцкого вена» исследователь обращался ко времени издания акта, т.е. к эпохе Мстислава и Всеволода; между тем, если верно высказанное нами предположение о появлении приписки одновременно с переутверждением грамоты печатью Ярослава Всеволодовича, исторический контекст этого акта следует искать в обстоятельствах данного княжения, а точнее — его заключительной фазы (1230–1236 гг.), к которой В. Л. Янин обоснованно относит печать МГ.

Событие, с которым, на наш взгляд, следует связать получение Юрьевым монастырем волости на Волоке Ламском, произошло 10 июня 1233 г., когда в Новгороде внезапно умер старший сын Ярослава Всеволодовича Федор. Княжич был погребен в Георгиевском соборе Юрьева монастыря, в котором спустя одиннадцать лет, в

¹¹ Любъвь и надежда и вѣра · въоруженъ тѣмъ подвигодавецъ великыи · тврьдаго воина и крѣпцакаго [ПМ: 350].

1244 г. была похоронена и его мать, вдова Ярослава Всеволодовича. Обстоятельством, придавшим этой смерти особый трагизм и глубоко поразившим современников, стало то, что сын Ярослава умер буквально накануне собственной свадьбы, когда, по свидетельству новгородского летописца, все было уже готово для брачного торжества: «И кто не пожалует сего: сватба пристроена, меды изварены, князи позвани; и бысть в веселія мѣсто плачь и сѣтование за грѣхы наша» [НПЛ: 72]. Среди прочих необходимых атрибутов брака должно было быть приготовлено и вено как символический выкуп за невесту, дар для ее родителей¹². После внезапной кончины Федора Ярославича («как буря, смерть уносит жениха...»), это вено было более чем естественно передать Юрьеву монастырю, ставшему местом его погребения: свадебный дар таким образом обращался в заупокойный вклад.

Осталось понять, почему акт этой передачи был зафиксирован в виде приписки к документу столетней давности, выданному Юрьеву монастырю его первыми ктиторами, Мстиславом и Всеволодом, на волость Буйцы, территориально не связанную с Волоком Ламским. Это имело смысл, если передача монастырю «волоцкого вена» сопровождала переутверждение грамоты, потребовавшееся в силу каких-то обстоятельств, предшествовавших смерти Федора Ярославича. И такие обстоятельства, действительно, можно указать.

Двадцатью годами ранее, в 1230 г. Ярослав Всеволодович в третий раз стал новгородским князем. Его очередное приглашение в Новгород было одним из результатов восстания против посадника Внезда Водовика и его окружения, поддерживавшего черниговского князя Михаила Святославича. Сам Внезд Водовик и его сторонники бежали тогда к Михаилу в Чернигов. В 1232 г. группа опальных бояр, воспользовавшись отсутствием Ярослава в Новгороде, привела к городу князя Святослава Трубещкого, родственника Михаила Черниговского, намереваясь, очевидно, посадить его на новгородский стол. В младшем изводе Новгородской I летописи об этом рассказано так: «Придоша ис Чернигова Борисъ Нѣгочевъ тысячкыи, Михаилъ с братомъ, и Водовиковичъ Петре, Глѣбъ Сменовъ братъ Борисовичъ, Миша, съ княземъ Святославомъ Трубечскимъ на средогвѣние; и быша в Буици, селѣ святого Георгия, и оттоле въспятися назадъ князь Святославъ в Русь, и уразумѣвъ, яко сии солгаша имъ; они же вгониша въ Плесковъ и яша Вячеслава Горисланица, и бивъши его, оковаша. В Новѣградѣ же бысть мятежъ великъ: не бѣше бо князь Ярослава, нѣ в Переяславѣ бысть тогда; и прииха князь ис Переяславля, и изима плесковищъ и посади их на Городищи въ гридьнищи» [НПЛ: 281].

¹² То, что в роли вена могли выступать земельные владения, свидетельствуется рядом примеров, начиная с поступка Владимира Святославича, который, после захвата им Корсуни, крещения и женитьбы на византийской принцессе Анне отдал Корсунь грекам обратно в качестве вена («власть же за вѣно Грекомъ Курсунъ шпаты цѣи дѣла» [ПСРЛ I: 116]). Можно вспомнить и жену Ярослава Мудрого Ингигерд, согласно сагам, получившую в качестве вена Ладолгу. К сожалению, неизвестно, чья дочерью была невеста Федора Ярославича, однако свидетельствуемый актами XIV в. статус Волока Ламского как новгородского анклава в Московском княжестве, управлявшегося совместно князем и Новгородом, не противоречит, как кажется, возможности выделения Ярославом Всеволодовичем одной из волоколамских волостей в качестве «вена».

Наше внимание в этом пассаже привлекает, естественно, упоминание Буйцы как места, где остановились пришедшие к Новгороду мятежники. Чрезвычайно важным представляется присутствие среди них брата Семена Борисовича, выступавшего заодно с Внесдом Водовиком и убитого в ходе восстания 1230 г. [НПЛ: 70] Семен Борисович был похоронен в Юрьеве монастыре, где до этого удостоились погребения только два новгородских посадника — Мирошка Нездичич (†1204) и Борис Мирошкинич (†1207). Эта последовательность погребений позволила нам в другой работе предположить, что Семен Борисович был сыном Бориса Мирошкинича и обосновался в Славенском конце после разгрома Мирошкиничей в 1207 г. Связи этой боярской семьи с Юрьевым монастырем имели глубокие корни, восходя ко времени, когда последний был княжеским монастырем Мстислава Великого (см. Гиппиус 2000: 62–63; Гиппиус 2006: 104).

Нахождение среди зачинщиков мятежа 1232 г. человека, для которого Георгиевский собор Юрьева монастыря был семейным некрополем, делает остановку мятежников в Буйце глубоко не случайной. Нужно заметить, что отношения с Юрьевым монастырем Ярослава Всеволодовича и до этого были небезоблачными. Первой инициативой Ярослава после прихода его в Новгород в 1230 г. было смещение юрьевского архимандрита Саввы, избранного собранием горожан в 1226 г., и замена его Арсением, выходцем из Хутынского монастыря, успевшим к тому времени дважды (в 1223–25 и 1228 гг.) побывать на новгородской кафедре, так и не получив хиротонии. Фигура очевидно несамостоятельная, Арсений популярностью в Новгороде, по-видимому, не пользовался, а в 1228 г. вызвал против себя возмущение широких городских кругов. Что происходило в Юрьеве монастыре после избрания (а фактически — назначения) его игуменом и новгородским архимандритом, мы не знаем, однако то, что два года спустя монастырь предоставил свою землю пришедшим из Чернигова боярам, позволяет думать, что оппозиционность его Ярославу Всеволодовичу так и не была преодолена.

Оказавшись таким образом вовлечен в интригу, направленную против Ярослава Всеволодовича, Юрьев монастырь мог и заплатить за это после того, как Ярослав вновь утвердился в Новгороде. Наказать обитель можно было, отобрав у нее волость, ставшую оплотом заговорщиков. Таким образом ситуация, предусмотренная санкцией Мстиславовой грамоты («даже которых князь по моему княжению почынет хотѣти отъяти у святого Георгия...»), в 1232 г. становилась реальностью. Лишение волостей (как в «земельном», так и в «должностном» смысле этого слова), сопровождавшееся и отменой соответствующих грамот, было у новгородских князей в ходу: формула «а грамоты ти, княже, не посужати» становится в середине XIII в. обязательной принадлежностью новгородско-княжеских докончаний.

Судя по погребению Федора Ярославича в Георгиевском соборе в 1234 г., конфликт Ярослава с монастырем к этому моменту был уже разрешен. Смерть старшего сына должна была заставить князя искать примирения с обителью. Следствием — и одновременно условием — этого примирения могло стать восстановление прав монастыря на отобранную у него волость Буйцы. В этой ситуации, на наш взгляд, и могло произойти переутверждение акта, выданного монастырю Мстиславом и Всеволодом в 1130 г. печатью Ярослава Всеволодовича. Подобный механизм отнятия и восстановления грамоты в точности соответствует положению, описанному в договорной грамоте Новгорода с Ярославом Ярославичем 1268 г.: «а ту грамоту, княже, отъяль еси, а та грамота, княже, дати ти назадъ» [ГВНП: 12 (№ 3), датировка по [Янин 1991: 147]. Если передача вена

монастырю и восстановление его прав на Буйцы были частью единой договоренности, появление приписки о «волоцком вене» именно в МГ оказывается естественным.

Только что изложенная гипотеза находит дополнительное подтверждение в тексте Синодального списка Н1Л. Прочитанное выше место статьи 1232 г. не содержит в нем упоминания о пребывании мятежников в Буйце. Вместо слов «съ княземъ Свято-славомъ Трубечскимъ на средогвѣние; и быша в Буйци, селе святого Георгия, и оттоле въспятися назадъ князь Святославъ в Русь» в Синодальном списке читается только «съ княземъ Святославомъ опять въ Русь» [НПЛ: 71]. Пропуск этот уникален в Синодальном списке и отличается от других, чисто галлографических лагун как большим объемом пропущенного текста, так и отсутствием прямого графического основания для галлографии: пропущенный текст начинается после формы тв. падежа *Святославомъ*, а заканчивается формой им. падежа *Святославъ*. Характерно также, что слово *опять*, которым возобновляется текст Синодального списка после пропуска, в младшем изводе Н1Л отсутствует, вместо него здесь читается *назадъ*, причем иным оказывается и порядок слов. С другой стороны, кажется странным, чтобы писец Синодального списка, связанного по своему происхождению с Юрьевым монастырем [см. Гиппиус 1997: 30–34], случайно пропустил фрагмент текста, который содержал упоминание этого монастыря. Похоже, что мы имеем здесь дело не с галлографией, а с намеренным пропуском, так сказать, «замаскированным» под галлографию.

Это предположение плохо вяжется с традиционной датировкой первой части Синодального списка второй половиной XIII в. Писец этого времени вряд ли стал бы сознательно сокращать детали описания конфликта, отшумевшего несколько десятилетий назад. Мотивы сокращения становятся, между тем, понятны в свете датировки рукописи, предложенной в работе [Гимон и Гиппиус 1999]. Согласно нашей гипотезе, основанной на сопоставлении текстологических и орфографических данных, первая часть Синодального списка, обрывающаяся в конце статьи 1234 г., была написана для Юрьева монастыря в том же 1234 или одном из ближайших последующих годов, то есть вскоре после того, как эта годовая статья появилась во владычной (архиепископской) новгородской летописи, непосредственной копией которой Синодальный список является в этой его части. Новгородским князем в это время по-прежнему был Ярослав Всеволодович, и память злополучного для монастыря 1232 г., когда обитель приютила на своих землях участников мятежа, была еще свежа. Устранение упоминания об этом эпизоде, из-за которого Юрьев монастырь чуть не лишился одной из старейших своих волостей, выглядит в этом контексте вполне закономерным¹³.

¹³ Интерпретированное таким образом расхождение между двумя изводами Н1Л в статье 1232 г. составляет параллель к другому, более известному примеру содержательной правки в Синодальном списке. Статья 1332 (6840) первоначально сообщала — как и владычная летопись, из которой она была переписана, — что князь Иван (Калита) «приде изъ Орды и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра за камьского, и в томъ взя Торжекъ и Бѣжичьскыи верхъ *чересь крестное ѡбъявление*». Выделенные слова, читаемые ныне только в младшем изводе Н1Л, в Синодальном списке выскоблены, а по выскобленному написано: «за новгородскую измѣну». Эта правка, изменившая смысл фразы на противоположный, была произведена вскоре после написания статьи (можно с уверенностью

Итак, мы полагаем, что скрепление МГ печатью Ярослава Всеволодовича было актом подтверждения владельческих прав Юрьева монастыря на волость Буйцы, потребовавшимся после того, как эта волость была отобрана князем у монастыря в наказание за нелояльность, проявленную в 1232 г. Поводом к примирению Ярослава Всеволодовича с Юрьевым монастырем послужила трагическая кончина старшего сына Ярослава Федора, в связи с погребением которого в Юрьеве монастыре последнему перешло «волочское вено», что и зафиксировала знаменитая приписка.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст Мстиславовой грамоты по подлиннику, хранящемуся в Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике

Подчеркиванием выделены фрагменты текста, трактуемые как вставки, сделанные при редактировании первоначального проекта акта

+се азъ мѣстиславъ володимиръ сѣ дѣржа роу-
сьскоу дѣмлю въ свок кнѣженн повелѣлъ и-
сѣ сѣоу свокмоу всеволодоу ѿдати боуи-
цѣ сѣмоу геѡргневи съ даннѣи и съ вирами и съ
продажами даже которым кнѣзъ по моимъ кнѣ-
женн почынетъ хотѣти ѿати оу сѣго геѡрги-
и . а бѣ боудн за тѣмъ и сѣаѣ вѣа и тѣ сѣын геѡ-
ргни оу него то ѿтимахъ . и ты игоумене и са-
и . и въ братнѣ . донкаѣ же са миръ състоитъ .
молите бѣ за ма и за моѣ дѣти . кто са игоу-
станетъ въ монастѣри . то въ тѣмъ дѣлѣнн и-
сте молити за ны бѣ и при животѣ и въ сѣмъ-
рти . а ѿрѣ далъ роукою своєю . и ѡсенннѣ по-
люди дарованѣ полъ третнѣ десѣте гон-
внѣ сѣмоу же геѡргневи . а се ѿ всеволодъ да-
лъ и сѣмъ влюдо серебряно въ .л. грѣнъ серебра .
сѣмоу же геѡргневи велѣлъ и сѣмъ вири въ
ик на ѡбѣдѣ коли игоуменъ ѡбѣдаитъ .
даже кто запѣртитъ и ли тоу данъ и се влю-
до . да соудитъ и моу бѣ въ днѣ пришестви-
и своѣго и тѣ сѣын геѡргни .

утверждать, что это произошло еще до 1337 г.) и явно в угоду политической конъюнктуре: юрьевская летопись, как и за сто лет до этого, спешила продемонстрировать лояльность великому князю [см. Гиппиус 1997: 18]. Замечательно, что как раз в это время (в 1335 г., согласно В. Л. Янину [1991: 164]) Иван Данилович подтвердил своей грамотой права Юрьева монастыря на его волость в Волоке Ламском, т. е. все то же «волочское вено».

ЛИТЕРАТУРА

- АСВР — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. III.
- Болховитинов 1818 — Евгений, митрополит (Болховитинов). Примечания на грамоту великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя новгородского, пожалованную новгородскому Юрьеву монастырю // Вестник Европы. Ч. 100, 1818. С. 201–255.
- Винокур 1962 — Г. О. Винокур. О фонетике Мстиславовой грамоты 1130 г. // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962. С. 66–75.
- Владимирский-Буданов 1908 — М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. СПб.; Киев, 1908.
- Ворт 1985a — D. S. Worth. The Codification of a Non-existing Phrase: «и вено вотеко» in the St. George gramota // Studies in Ukrainian Linguistics. In honor of George Y. Shevelov / Ed. J. P. Hursky [The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U. S. Vol. XV (1981–1983)]. Clifton, 1985. P. 359–368.
- Ворт 1985b — D. S. Worth. Vernacular and Slavonic in Kievan Rus' // The Formation of the Slavonic Literary Languages. Proceedings of a Conference Held in memory of Robert Auty and Anne Pennington at Oxford 6–11 July 1981 / Ed. G. Stone and D. S. Worth. Columbus 1985. P. 233–242.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Гимон и Гиппиус 1999 — Т. В. Гимон, А. А. Гиппиус. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 7 [17]. СПб., 1999. С. 18–48.
- Гиппиус 2001 — А. А. Гиппиус. «Суть людие новгородци от рода варяжска»: опыт генеалогической реконструкции // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В. Т. Пашута. Москва, 11–13 апреля 2001. Материалы конференции. М., 2001. С. 59–65.
- Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.
- Гиппиус 2006 — А. А. Гиппиус. Скандинавский след в истории новгородского боярства // The Slavization of the Russian North / Ed. By Juhani Nuorluoto. Helsinki, 2006. P. 93–109.
- Дементьев 2000 — Е. И. Дементьев. О землевладении Новгородского Юрьева монастыря на Волоке Ламском в XIV–XVII вв. // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 16–19.
- ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подг. Я. Н. Шапов. М., 1976.
- Дурново 1969 — Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Зеemann 1983 — K.-D. Seemann. Die "Diglossie" und die Systeme der sprachlicher Kommunikation im alten Rußland // Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress im Kiev-1983. Köln; Wien, 1983 (Slavistische Forschungen, 40).
- Зеemann 1984 — K.-D. Seemann. "Loquendum est russice & scribendum est slavonice" // Russia Mediaevalis. 5 (1984). P. 103–136.
- Золтан 1987 — А. Золтан. СЕ АЗЪ...: к вопросу о происхождении начальной формулы древнерусских грамот // Russian Linguistics. Vol. 11 (1987).

- Ильинский 2000 — Г. А. Ильинский. Юрьевская грамота 1130 г. / Подг., текста и публ. Г. С. Баранковой // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2000. М., 2000. С. 321–356.
- Исаченко 1960 — А. В. Исаченко. Древнерусское *изоостати ся* // *Rusko-české studie. Sborník Vysoké školy pedagogické v Praze. Jazyk i literatura*. 2 (1960). S. 333–337.
- Исаченко 1971 — А. В. Исаченко. Die Gräzismen des Grossfürsten // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. 35 (1971). S. 97–103.
- Каштанов 1996 — С. М. Каштанов. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.
- Каштанов 1999 — С. М. Каштанов. Жалованные акты на Руси XII–XIV вв. // *Средневековая Русь*. Вып. 2. М., 1999. С. 21–45.
- Клэнчи 1979 — M. Clanchy. From memory to written word. England 1066–1307. London, 1979.
- Маркс 1914 — Н. А. Маркс. Две старейших русских грамоты из дошедших до нас в подлинниках // *Древности. Труды Императорского московского археологического общества*. Т. 24. М., 1914. С. 1–16.
- Мусин 1998 — А. Е. Мусин. 1130 г. Архиепископ Иоанн Попьян и кризис церковно-государственных отношений в древней Руси // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 195–210.
- Насонов 1951 — А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
- Носов 1990 — Е. Н. Носов. Новгородская волость Буйцы (историко-археологический комментарий) // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 110–114.
- НПЛ (=НПЛ) — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- Переписка — Евгений, митрополит (Болховитинов). Переписка митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером Румянцевым и некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включительно). Воронеж, 1868–1870.
- ПМ — Новгородская служебная минея на май (Путятинна минея). XI век: Текст исследования, указатели / Подг. В. А. Баранов, В. М. Марков. Ижевск, 2003.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 1; М., 1998. Т. 2.
- Рождественская 1992 — Т. В. Рождественская. Надпись с именем князя Мстислава из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // *Древний Псков. Исследования средневекового города. Материалы конференции*. Санкт-Петербург, 20–21.05.1992. СПб., 1994. С. 77–80.
- СГ XIII–XIV — Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Изд. подг. Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–. Т. 1–.
- Сл. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. I–III.
- Срезневский 1860 — И. И. Срезневский. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю // *Известия ОРЯС*. Т. 8. Вып. 5. СПб., 1859–1860. С. 337–355.

- Успенский 1973/1999 — Б. А. Успенский. Древнерусские кондакари как фонетический источник // Славянское языкознание. VII международный съезд славистов... Доклады советской делегации. М., 1973. Перепеч.: Б. А. Успенский. Избранные труды. М., 1999. Т. III. С. 209–245.
- Успенский 1983 — Б. А. Успенский. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.
- Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2002.
- Чернов 1998 — С. З. Чернов. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в.: Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. (Акты Московской Руси: Микрорегиональные исследования. Т. 1). М., 1998. С. 74–76.
- Шевелев 1987 — G. Shevelov. Несколько замечаний о грамоте 1130 г. и несколько суждений о языковой ситуации Киевской Руси // Russian Linguistics. Vol. 11 (1987).
- Шапов 1989 — Я. Н. Шапов. Государство и церковь в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1989.
- Янин 1956 — В. Л. Янин. Печать Мстиславовой грамоты // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 65. М., 1956. С. 42–48.
- Янин 1962 — В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962.
- Янин 1970 — В. Л. Янин. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1.
- Янин 1991 — В. Л. Янин. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин 2000 — В. Л. Янин. К вопросу о дате древнейшего русского акта // Проблемы всемирной истории: Сборник статей в честь Александра Александровича Фурсенко. СПб., 2000. С. 159–162.
- Янин 2004 — В. Л. Янин. Средневековый Новгород. М., 2004.